

УДК 167.7+ 140.8

Пугачева Наталья Петровна

кандидат философских наук, доцент
fil.ist.in@pgau.ru

Дорофеева Татьяна Геннадьевна

кандидат философских наук, доцент
fil.ist.in@pgau.ru

Дмитриева Светлана Юрьевна

доцент,
кафедра философии, истории и иностранных языков,
Пензенский государственный аграрный университет
fil.ist.in@pgau.ru

Natalya P. Pugacheva

candidate of Philosophy, associate professor
fil.ist.in@pgau.ru

Tatiana G. Dorofeeva

candidate of Philosophy, associate professor
fil.ist.in@pgau.ru

Svetlana Yu. Dmitrieva

associate professor
Department of Philosophy, History and Foreign Languages
Penza State Agrarian University
fil.ist.in@pgau.ru

Перспективы поиска универсального идеала научности

Prospects for the search for the universal ideal of science

***Аннотация.** В статье рассматривается становление гуманитарного идеала научности. По мнению авторов, жизнь может трактоваться в качестве категории, объединяющей естественнонаучное и социально-гуманитарное знание. Примером поиска универсального идеала науки может быть возвышение статуса биологии во второй половине XX века. Показано отношение современной науки и общества к паранауке, «озадачивающим явлениям» (Н. Решер), аллологическим мыслительным структурам и постмодернистской трактовке науки.*

***Ключевые слова:** гуманитарный идеал научности, жизнь, «озадачивающие явления», Н. Решер, Г. Риккерт, наука и паранаука.*

***Abstracts.** The article considers the formation of the humanitarian ideal of science. According to the authors, life can be interpreted as a category combining natural science and socio-humanitarian knowledge. An example of the search for the universal ideal of science is the elevation of the status of biology in the second half of the 20th century. The attitude of modern science and society to parascience,*

“perplexing phenomena” (N. Resher), allologically mental structures, and the postmodern interpretation of science is shown in the article.

Keywords: *humanitarian ideal of science, life, “perplexing phenomena”, N. Rescher, H. Rickert, science and parascience.*

К концу XIX в. стал складываться гуманитарный идеал научности, что было обусловлено, в первую очередь, бурным развитием истории, филологии и других областей гуманитарного знания. История в XIX в. трансформировалась в историцизм, суть которого четко зафиксировал Р. Дж. Коллингвуд (1889-1943): вся реальность имеет исторический порядок и «ценность истории поэтому и заключается в том, что, благодаря ей, мы узнаем, что человек сделал, и тем самым – что он собой представляет» [4].

Когда произошел раскол между двумя типами культур – естественнонаучной и гуманитарной – определить сложно: одни ученые относят это событие к античности, другие – к Новому времени. По-видимому, здесь не может быть однозначного ответа, поскольку в разные эпохи соотношение между гуманитарным и естественнонаучным знанием менялось то в одну, то в другую сторону [3, с.89-95].

Идеал гуманитарной науки складывался постепенно, и лишь в конце XIX в. он приобрел конституционально определенные формы. Реакцией против позитивизма стала философия жизни, один из видных представителей которой, немецкий философ В. Дильтей, ввел, как известно, распределение всей сферы научного знания на «науки о природе» и «науки о духе».

Большой вклад в формирование гуманитарного идеала научности внесло неокантианство. Генрих Риккерт, выделив особенности методологических основ естествознания и социогуманитарных дисциплин, подчеркнул, что первым присуща генерализирующая абстракция, а вторым – индивидуализирующая. Это различие определяется прежде всего спецификой предмета. Так, в области природы как объективной реальности, существует бесконечное многообразие индивидуальных объектов, которые и нужно изучать, охватив их системой универсальных понятий и законов. В гуманитарных науках мы имеем дело с индивидуализированной реальностью, имеющей отношение к ценностям и потому подлежащей не только чисто гносеологической оценке, но и соотношению с тем, что значимо, с идеальными сущностями, стоящими в другой плоскости, чем законы природы.

Благодаря Г. Риккерту, в литературе закрепилось название «философия жизни». «Наилучшим обозначением для понятия, в исключительно высокой мере господствующего сейчас <...> нам представляется слово жизнь» [6, с.209]. Жизнь, по словам Риккерта, является ключом ко всем дверям философского знания. Добавим, что на рубеже тысячелетий эта категория стала универсальным ключом чуть ли не ко всем областям научного знания.

Система ценностей, взятая в масштабе всего человечества, может рассматриваться как объективная, поскольку трудно выделить такую область духовно-материального мира, которая была бы абсолютно нейтральной и ничего бы для нее не значила, поэтому ценностный мир существует как

«значимое» и в этом смысле по-кантовски «трансцендентальное». Признание за жизнью безусловной ценности, например, является одним из положений онтологической аксиологии Г. Йонаса.

Конечно, всегда существовала надежда создать единый критерий научного знания, универсальный идеал науки. Так, например, на науку, в целом, пытались взглянуть с точки зрения биологии, взяв ее принципы в качестве идеала, но возникла парадоксальная ситуация в связи с вопросом: является ли сама биология наукой?

Тем не менее, во второй половине XX в. радикально изменились взгляды ученых и историков науки на роль биологии в жизни общества и в научной картине мира, вплоть до того, что прошедшее столетие было названо «веком биологии». Безусловно, в самой науке о жизни произошли знаковые события, способные произвести революцию в естествознании. Наряду с прогрессом в изучении интраорганизменного уровня (успехи клеточной и молекулярной биологии, генной инженерии), изучении собственно организма (индивидуальной живой системы), появляются новые концепции, связанные с исследованиями супраорганизменных систем, куда включается и биосфера. «Век биологии» затронул и гуманитарное знание, простимулировав появление новых смежных дисциплин. Причиной стал не только прогресс в конкретной науке, но и осознание ранимости живой природы, усилившейся вследствие технологического могущества современной цивилизации.

Отметим, что категория жизни является уникальной в том смысле, что именно в ней заключена возможность возведения того самого моста между гуманитарным и естественнонаучным знанием. Помимо философии жизни, примером такого интегрирующего знания могут стать биоэтика, экологическая этика, биофилософия, этика жизни. Любые публикации по генетике, социальной экологии потенциально могут найти отклик в СМИ и в общественных умонастроениях и получить рациональное или ненаучное толкование. Задачей науки, в данном случае биологии или этики, будет доказательство несостоятельности последнего.

В этой связи особого внимания заслуживает вопрос о паранауке и борьбе с псевдонаучными направлениями. Дело осложняется тем, что между наукой и ненаукой нет непроходимой пропасти: широко известна роль таких «донаучных» областей исследований, как магия, алхимия и астрология.

С одной стороны, паранаука противопоставляет «официальной» науке и выступает с резкой критикой последней, упрекая ее в консерватизме, в неспособности осмыслить и объяснить «факты», выходящие за пределы традиционных, установившихся представлений. С другой стороны, паранаука стремится получить статус науки. Так, уфология «научно» доказывает присутствие на Земле инопланетян, описывает их типы и модели их летательных аппаратов, а также - уровни контактов с инопланетным разумом; эзотерика открывает двери в мир мертвых, путешествует сквозь времена, пространства и миры и т.д. Однако у науки есть свои критерии распознавания псевдонауки:

- 1) у нее нет проверяемого эмпирического базиса,

и 2) она не выполняет стандартного набора требований научности.

Все же, есть такие феномены, объяснить которые с точки зрения современных научных данных пока не представляется возможным, среди них уже привычные йога, гипноз, акупунктура. Современный американский философ Н. Решер предложил называть эти феномены «озадачивающими явлениями». Науке нужно не игнорировать их, не замалчивать, а настойчиво стремиться к такому уровню развития эпистемологических средств, который в будущем позволил бы объяснить или опровергнуть их.

Паранаука претендует на истину, создавая свои «причудливые теории». Питает ее жизнеспособность как раз наличие озадачивающих явлений. Н. Решер определяет их следующим образом: «... озадачивающие явления суть явления познавательного диссонанса. Они представляют такие ситуации, каких, если исходить из имеющихся представлений о порядке вещей в мире, просто вообще не должно быть... Это не просто что-то новое, ведь новое далеко не всегда озадачивает, но озадачивать может, напротив, поведение старого, хорошо известного. Поэтому в данной ситуации существенна не новизна, а «явный конфликт с нашим объяснительным пониманием» [5, с.13-104].

Естествознание, по мнению Н. Решера, научилось нормальному отношению к озадачивающим явлениям и даже приветствует их как стимул научного прогресса и как элемент самой сути естественных наук, а вот психология, например, до сих пор смотрит на них иначе. Отсюда возникают разные реакции:

- игнорирование; принижение значимости;
- приспособление;
- примирение;
- мистифицирование.

Сам же автор статьи стоит на позициях Ч. Пирса, основателя прагматизма: «... рискованно до безрассудства и навсегда объявлять конкретные проблемы в принципе неразрешаемыми наукой» [5, с.110]. Поэтому, заключает Решер, нужно сохранять дистанцию между озадачивающими явлениями и причудливыми теориями (т.е., паранаукой), старающимися их объяснить.

Учет вненаучных факторов, способствующих прогрессу научного сознания, также был актуализирован в философии науки второй половины XX в. Большую роль в терпимом отношении к необъяснимым, «нетрадиционным» формам знания сыграло открытие аллологических мыслительных структур. В принципе, иные культуры по отношению к какой-либо, взятой за исходную, всегда аллологичны. Например, для европейской культуры естественно, что оскорбляющий несет наказание, а в культурах некоторых племен Австралии и Океании, напротив, наказывается не оскорбляющий, а его жертва [1].

Постмодернисты, критикуя идею однолинейного прогресса, предлагают рассматривать любую языковую форму трансляции информации как нарратив, т.е., повествование, рассказ. Постмодернизм пытается представить науку в качестве культурного конструкта, полностью определяемого субъективными качествами ученого, предложенного идеологией. Если бы это было так, то кто

мог бы помешать политикам «закрыть» Америку или «отменить» закон всемирного тяготения? Здравый смысл говорит, что наука действительно познает, с помощью своих методов, законы мироздания. «Человеческий разум способен создавать абстрактные математические системы, которые могут описывать устройство Вселенной. Но математическое мышление не создает Вселенную или ее законы, но только описывает их. Это не слабость и не дефект человеческого разума – это вопрос важности того, что входит в его компетенцию. Очень важно понимать, что атомы существуют для того, чтобы атомное ядро могло быть подвергнуто расщеплению» [2].

Отступать науке, по мнению Решера, ни при каких условиях не следует, ибо ее достоинство и значимость доказаны многовековым опытом, несмотря на проблемы, которые часто возникают в связи с ней и которые она сама только и способна правильно сформулировать, осмыслить и разрешить.

Литература

1. Абрамян Л.А. *Оскорбление и наказание: слово и дело // Этнические стереотипы поведения.* Л.: Наука, 1985. С. 279-296.

2. Гудинг Д., Леннокс Дж. *Мировоззрение: человек в поисках истины и реальности.* Ярославль: «Норд», 2004. Т. 2. Кн. 1. С. 368.

3. Козлова Н.П., Пугачев О.С. *История и философия науки и техники.* Пенза, 2006. 332 с.

4. Коллингвуд Р. *Идея истории. Автобиография.* М.: Наука, 1980. С. 14.

5. Решер Н. *Озадачивающие явления // Вопросы философии.* № 1. 2002. С. 103-111.

6. Риккерт Г. *Философия жизни // Науки о природе и науки о культуре.* М., 1998. С. 209.

Literature

1. Abrahamyan L. *Insult and punishment: word and deed // Ethnic stereotypes of behavior.* Leningrad, 1985. pp. 279-296.

2. Gooding D., Lennox J. *Worldview: a man in search of truth and reality.* Yaroslavl, 2004. Vol. 2. Book. 1. p. 368.

3. Kozlova N., Pugachev O. *History and philosophy of science and technology.* Penza, 2006. 332 p.

4. Collingwood R. *The idea of History. Autobiography.* Moscow, 1980. p. 14.

5. Rescher N. *Perplexing phenomena // Questions of philosophy.* No. 1. 2002. pp. 103-111.

6. Rickert H. *The philosophy of life // Nature Sciences and Culture Sciences.* Moscow, 1998. p. 209.